

III. ИСТОРИЯ КАК ОБЪЕКТ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОТИВОБОРСТВА

УДК 616-084

© Марышев Е. А.
Maryshev E.

СОВЕТСКИЕ И НЕМЕЦКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ. СВИДЕТЕЛЬСТВА ДВУХ СТОРОН

SOVIET AND GERMAN PRISONERS OF WAR DURING WORLD WAR II. EVIDENCE ON BOTH SIDES

Аннотация. В последние годы история Великой Отечественной войны 1941–1945 годов стала передовым краем острой информационной борьбы. Попытки исказить ход и итоги той войны переросли в настоящую кампанию, достигающую невероятных масштабов. Общественному мнению агрессивно навязываются искажённые трактовки, интерпретации и просто фальсификации событий тех лет. Цели очевидны – поставить под сомнение историческую значимость Победы советского народа в Великой Отечественной войны, легализовать нацистских преступников, предать забвению их зверства и злодеяния. Данная ситуация не может не вызывать беспокойство.

Приведенные в настоящей статье отрывки из воспоминаний и факты из жизни дух солдат, один из которых находился в немецком плену, другой – в советском, во многом опровергают черные мифы о Великой Отечественной войне.

Annotation. In recent years the history of the Great Patriotic War of 1941-1945 became the leading edge of information warfare. Attempts to pervert the course and outcome of the war escalated into a massive campaign, which reached unprecedented heights. Distorted interpretations, falsification of the events of those years imposed aggressively to public opinion. The goal is obvious – to cast doubt on the historical significance of the Victory of Soviet people in the great Patriotic war, to legalize Nazi criminals, to bury their brutalities and atrocities. This situation causes concern. The information provided in this article, excerpts from memoirs and facts from the lives of two soldiers of that war, one of which was in German captivity, the other – in the Soviet captivity, largely refute black myths about the great Patriotic war.

Ключевые слова. Великая Отечественная война, 2-я ударная армия, блокада Ленинграда, военнопленный, лагерь военнопленных, шталаг.

Key words. Great Patriotic war, 2-nd Shock army, the siege of Leningrad, prisoner of war, POW camp, stalag.

Президент России Владимир Путин неоднократно заявлял о том, что считает новые попытки пересмотреть итоги Второй мировой войны безмерно опасными. Недавно им подписан закон, устанавливающий уголовную и административную ответственность за очернение истории Великой Отечественной войны и публичное одобрение нацизма.

Среди стереотипов, активно внедряемых в общественное сознание, – мифы о гуманном обращении нацистов с советскими военнопленными и, наоборот, же-

стокости «кровавого сталинского режима» по отношению к немецким, а также советским пленным после их освобождения из немецких лагерей.

Приведенные ниже отрывки из воспоминаний о Михаиле Ивановиче Марышеве, участнике войны, бывшем узнике немецких концлагерей, и дневниковых записей бывшего немецкого военнопленного Хорста Гротуса, предоставленных Галиной Александровной Быстровой, переводчиком с немецкого языка, знакомой с ним в течение длительного времени, призваны опровергнуть эти мифы.

Марышев Евгений Александрович – кандидат технических наук, заместитель директора, ФГБНУ «НИИ РИНКЦЭ», тел.: (499) 256-00-10.

Maryshev Evgeny – Ph.D., Deputy Director, FGBNU «Research institute RINKCE», tel.: (499) 256-00-10.

**Воспоминания о Марышеве
Михаиле Ивановиче, участнике боёв
на Волховском фронте, бывшем советском
военнопленном**

2-я ударная армия принимала участие в прорыве блокады Ленинграда на Волховском фронте до полного завершения боёв 25 июня 1942 года, когда она уже находилась в окружении в районе станции Мясной Бор. 366-я (19-я гвардейская) стрелковая Сибирская дивизия участвовала в боях на южном фланге 2-й ударной армии. Михаил Иванович Марышев находился в составе дивизии с первых дней её формирования, принимал участие в боях до конца боевых действий под Мясным Бором [1].

Первоначальное ознакомление с судьбой первого формирования 366-й стрелковой дивизии было начато с изучения архивных материалов в Центральном архиве Министерства обороны (ЦАМО) РФ [2]. Однако найти достаточно полных сведений о боевых действиях дивизии за период с декабря 1941 года и до июля 1942 года, к сожалению, не удалось.

В архиве нет журнала боевых действий, оперативных сводок, донесений из дивизии в армию за 1941–1942 годы. Приказы по личному составу 19-й гвардейской дивизии имеются только с 25 июля 1942 года, книга учета офицерского состава 56-го гвардейского полка – с 1 июля 1942 года, а книга учета безвозвратных потерь личного состава – с 1 декабря 1942 года. Нет в фондах архива документов 45-го гвардейского артиллерийского полка за период с 1 сентября 1941 года по 1 июля 1942 года, кроме Исторического формуляра, но сведений в нем за рассматриваемый период крайне мало. При этом имеется запись об отсутствии сведений о руководящем составе полка за период до июля 1942 года. Информацию о дивизии частично удалось найти в архивных материалах 2-й ударной и 52-й армий.

Дополнительные сведения о 19-й гвардейской дивизии были получены из музея Волховского фронта школы № 98 города Санкт-Петербурга, Народного музея трудовой и боевой славы ОАО «Акрон» города Великого Новгорода.

Использовались воспоминания участников боёв первого формирования, в том числе дневниковые записи начальника медицинской службы 366-й дивизии И.Т. Карпова, предоставленные Государственным архивом Томской области, и записи старшего ветврача 56-го гвардейского полка М.И. Марышева из семейного архива. Музей боевой славы средней школы № 34 посёлка Мга Ленинградской области предоставил воспоминания П.И. Сотника и В.Г. Иванова, участников боёв 19-й гвардейской дивизии в Синявинской наступательной опера-

ции. Некоторые дополнительные уточнения были сделаны с использованием работ ветерана 8-й армии М.М. Агапова.

Михаил Иванович Марышев родился 21 ноября 1907 года в деревне Сафоново Прокопьевского района бывшей Томской губернии, ныне Кемеровской области. Первоначально работал в сельском хозяйстве своего отца. Во время коллективизации был рядовым колхозником. В 20 лет его выбрали членом избиркома, а затем членом Сафоновского сельсовета. Вступил в партию в 1930 году, учился в Омском ветеринарном рабфаке. На последнем курсе рабфака его назначили уполномоченным по ветеринарному надзору одного из районов Омской области. В 1935 году прошёл проверку партийных документов и поступил в Омский ветеринарный институт. После окончания института в июле 1939 года был распределён в районный центр Крапивино Новосибирской области, где работал старшим ветеринарным врачом земельного отдела.

М.И. Марышев ушёл на войну в конце августа 1941 года. 26 августа 1941 года по приказу № 0051 командующего Сибирским военным округом началось формирование 366-й стрелковой Сибирской дивизии в городе Томске Новосибирской области при Томском пехотном училище. 366-я стрелковая Сибирская дивизия формировалась в составе: 1218-го, 1220-го, 1222-го стрелковых полков; 938-го пушечно-артиллерийского полка; миномётного и зенитного дивизионов и соответствующих спецподразделений. В штатный состав вошли подразделения ветеринарного, медицинского обеспечения, редакция газеты «В бой за Родину» и другие.

Сроки формирования были определены следующие: старшим и средним начальствующим составом укомплектовать к 10 сентября 1941 года; младшим начальствующим составом – к 20 сентября; рядовым составом – к 23 сентября.

Штатная численность стрелковой дивизии на 22 июня 1941 года составляла 14483 человека, численность конского состава – 3039 лошадей. В последующие годы войны штатная численность личного состава и лошадей уменьшалась.

Дивизия укомплектовывалась из частей и соединений Сибирского военного округа. Шестьдесят один процент офицерского и сержантского состава призывался из запаса райвоенкоматами Сибирского военного округа. Комплектование рядового и начальствующего производилось из запаса в основном Новосибирским областным военкоматом. Начальствующий состав призывался также из Омской области, Алтайского и Красноярского краёв.

8 сентября 1941 г. закончилось формирование 938-го артполка, командиром которого был назначен старший лейтенант Гуляев. Формирование дивизии завершилось к 1 октября 1941 г. Её командиром был назначен полковник Семён Иванович Буланов. До 7 ноября 1941 г. 366-я стрелковая Сибирская дивизия входила в состав СибВО и дислоцировалась в Томске, имея номер полевой почты 21536.

9 ноября 1941 г. из Томска ушел последний эшелон дивизии, которым 938-й артполк следовал в район боевых действий под Тихвином. 18 ноября 1941 г. стрелковые части дивизии прибыли на железнодорожную станцию Вологда, затем в походных колоннах совершили марш до села Крохино Вологодской области. После восьмидневной стоянки дивизия пешим порядком передислоцировалась в Великое Село, через неделю перешла к станции Череповец и далее эшелонам на Тихвин.

По воспоминаниям бывшего фельдшера 19-й гвардейской стреловой дивизии Е.И. Кузнецовой [3], с 23 ноября 1941 г. артполк участвовал в боях за город Тихвин, который освободили от немцев 9 декабря 1941 г. После освобождения Тихвина полк был отправлен в район Мясного Бора на Волховский фронт. 28 декабря 1941 г. части дивизии подошли к линии фронта юго-западнее населённого пункта Будогощь.

В январе 1942 г. 366-я стрелковая дивизия приняла участие в боевых действиях на Волховском фронте. За прорыв 2-й линии немецкой обороны в районе станции Мясной Бор, осуществлённый после тяжёлых, кровопролитных боёв с сильным противником, дивизии присвоили звание 19-й гвардейской. Полки, входившие в ее состав, были также переименованы.

Первого сентября 1942 г. Михаила Ивановича Марышева назначили начальником ветеринарного лечебного отдела 938-го артиллерийского полка. 9 апреля 1943 г. он был назначен на должность старшего ветврача 56-го гвардейского полка 19-й гвардейской дивизии. Можно предположить, что с наступлением весенней распутицы 45-й гвардейский артполк (бывший 938-й) потерял первоначальную боеспособность ввиду потерь личного состава, отсутствия снарядов, гибели лошадей (использование конной тяги достигало 90 %). Часть артиллеристов перевели в пехоту, так как в стрелковых частях потери были велики, а пополнение прибывало редко. При назначении в 56-й гвардейский полк М.И. Марышеву было присвоено воинское звание военветврача 2-го ранга.

Сокращённые сроки выслуги в воинских званиях для командиров и начальников действующей армии и флота установлены решениями ГКО, принятыми в конце

1941 года и начале 1942 года. Для разных должностных категорий они были разными, для ветеринарного состава сокращённый срок выслуги составлял от 4 до 10 месяцев.

В конце мая 56-й и 61-й гвардейские полки 19-й гвардейской дивизии вошли в состав сил прикрытия, обеспечивавших выход из окружения частей 2-й ударной армии на восток в сторону Мясного Бора. До 18 июня 1942 г. 56-й гвардейский полк сдерживал атаки врага на южном фланге у деревни Новая Кереть.

Утром 25-го июня 1942 года коридор через Мясной Бор был окончательно перерезан. После неудачных попыток прорваться в составе подразделений были предприняты попытки выхода из окружения мелкими группами, которые шли в различных направлениях, в том числе и по немецким тылам.

Группы организовывались из земляков и наиболее близких сослуживцев, с которыми начинали службу в полку, дивизии. Одна из таких групп, в которой находился и М.И. Марышев, попыталась выйти из окружения через Замошское болото, но рано утром 27 июня 1942 г. в районе деревни Малое Замошье попал в плен, наткнувшись на засаду. Об этом в автобиографии [4] М.И. Марышев писал: «На Волховском фронте было длительное окружение 52-й и 2-й ударной армий в районе станции Мясной Бор. При выходе из окружения 27 июня 1942 г. я попал в плен в двух километрах от деревни Малое Замошье Новгородского района».

В тот же день, 27 июня 1942 г., красноармейцев и командиров, попавших в плен, сосредоточили на поле у северной окраины деревни Малое Замошье. 28 июня 1942 г. колонну военнопленных под конвоем через деревню Большое Замошье повели в деревню Долгово, находившуюся западнее этих двух деревень. В Долгово пленным был дан кратковременный отдых. На большой поляне, ставшей чем-то вроде сборного пункта, собирали всех тех, кому не удалось выйти из кольца окружения. Дальнейший путь до Германии проходил через Новгород. До него добрались к 29 июня 1942 г. 1 июля пленных прогнали через Лугу, это в 90 километрах от Новгорода. А уже через десять дней колонна была в городе Каунасе.

В пересыльном лагере Каунаса военнопленным был устроен карантин. Здесь М.И. Марышев находился с 11 июля по 4 августа 1942 г. Территория лагеря была обнесена колючей проволокой. Внутри, на некотором расстоянии от ограды, находилась предупредительная зона, пересекать которую запрещалось. На вышках дежурили немецкие часовые. Внешний периметр лагеря обходили патрули. Первоначально на территории росла трава, вскоре её всю съели, осталась голая земля. В предупреди-

тельной зоне была зелень и её пытались рвать. Но не всем везло – часовые стреляли без предупреждения. Многие пленные болели и умирали от тифа.

После прохождения карантина военнопленных погрузили в товарные вагоны, и эшелон продолжил путь по территории Германии. Дорога к стационарному лагерю заняла три дня, прибыли 7 августа 1942 г. Выгрузились из эшелона на станции Якобсталь.

В провинции Саксония, в стороне от транзитного сообщения, на правом берегу Эльбы расположен городок Мюльберг. Лагерь военнопленных находился в пяти километрах от него на северо-востоке, почти на окраине населенного пункта Нойбурксдорф, возле железнодорожного вокзала. Свое название лагерь получил по городку Мюльберг, в котором лагерь военнопленных появился еще до начала войны с Советским Союзом. Это главный стационарный распределительный лагерь 4-го Военного округа Германии для рядового и сержантского состава Stalag IVB (Шталаг 4Б). Здесь регистрировали, оформляли и хранили учётные карточки военнопленных, формировали рабочие команды.

Ещё до войны Германия была поделена на двадцать один военный округ, каждому из которых присваивался свой номер. Римская цифра IV была присвоена Дрезденскому военному округу, индекс в виде латинской буквы «В» обозначал номер этого стационарного лагеря в данном округе. В записной книжке М.И. Марышева шталаг-4Б в Мюльберге значится как лагерь Саксония-4Б [5].

Территория лагеря в Мюльберге по периметру была огорожена двумя рядами колючей проволоки. По углам и посредине были расположены сторожевые вышки. Внутри находились деревянные бараки, размещённые в отдельных секциях – блоках. Блоки были огорожены колючей проволокой в один ряд.

Вновь прибывших пленным, грязных, обросших, обессиленных, завшивевших, больных, в изношенном обмундировании, размещали в специальном блоке и держали в нем в течение недели.

В этом лагере при досмотре у М.И. Марышева изъяли оставшиеся документы и записную книжку с медицинскими записями на латинском языке – это были ветеринарные рецепты. Видимо, эти записи повлияли на то, что в дальнейшем его допускали к лечению военнопленных красноармейцев. Как известно, врачи Красного Креста не допускались к советским военнопленным для оказания медицинской помощи под предлогом того, что руководство Советского Союза не подписало конвенцию Красного Креста.

После спецблока пленные проходили санобра-

ботку с последующим размещением в карантинном блоке. Оттуда пленным направляли на регистрацию, заводя на них личное дело. В учётной карточке записывали: фамилию, имя, отчество, дату и место рождения, национальность, семейное положение, последнее место жительства. Указывалась гражданская специальность или профессия, род войск, номер войсковой части и воинское звание. В дело вклеивали фотографию пленного размером 3×4 см с личным лагерным номером, а внизу справа располагался чернильный отпечаток указательного пальца. После фотографирования выдавали металлический жетон с личным номером, который необходимо было всегда иметь при себе. На вещевом складе пленные получали белье, одежду, ботинки на деревянной подошве.

16 сентября 1942 г. после регистрации, присвоения личного номера военнопленного и оформления соответствующих документов М.И. Марышева перевели в распределительный блок Саксония-4Б для направления в одну из многочисленных рабочих команд (А.К.s). Здесь формировали партии пленным для дальнейшего их использования на принудительных работах. Время ожидания отправки к месту работ зависело от заказов на рабочую силу из различных мест Германии. Пленных направляли на заводы, рудники, угольные шахты и другие объекты.

С 7 августа 1942 г. М.И. Марышев находился в лагере № 304 (Германия). Филиал лагеря № 304 (IV H) Zeithain (Цайтхайн) около городка с тем же названием находился в 20 км юго-восточнее Мюльберга. Лагерь Саксония-304 (Шталаг-304) в местечке Цайтхайн с 1941 г. принимал наибольшее количество советских военнопленных. Первоначально в лагере регистрировали военнопленных, затем он дополнительно служил лазаретом для заключённых, больных дизентерией, туберкулёзом и другими тяжёлыми заболеваниями. Сюда же направляли пленным, не пригодных к работам, имеющих увечья либо крайнее истощение.

10 октября 1942 г. после 24-дневного пребывания в распределителе Саксония-4Б рабочую команду в составе 112 человек отправили в лагерь военнопленных № 170/33 города Дессау, где М.И. Марышев работал чернорабочим, имея опознавательный знак военнопленного №190185. По сведениям из городского архива города Дессау, заключённые были заняты на производстве вооружений, в том числе на заводах «Юнкерс».

Каждый день существования в лагерях сопровождался побоями с подъема до отбоя. Провинившихся пленным лишали еды. За провинность могли отправить в концентрационный лагерь, где редко кто выживал более трех месяцев. В 1943 г. власти Германии официально

запретили избивание пленных. Это была реакция на разгром немецких войск под Сталинградом, в результате которого тысячи немцев оказались в советском плену. Однако избивания продолжались и после запрета.

Постоянным было и чувство голода. В дневной рацион входили кусок хлеба, баланда, кофе. Хлеб изготавливали из отбросов пивного производства, вкуса кормовой свеклы, цвета жжёного сахара. Пайка небольшая. Её надо было сосать, иначе она быстро заканчивалась. Баланда забалтывалась мукой, которую в чистом виде есть нельзя, либо давали баланду с розовой водой и жидким осадком из свеклы и капусты на дне. Кофе представляло собой жидкость, настоянную на жжёной древесной коре. Утром и вечером давали кофе и пайку хлеба, в обед – баланду. В воскресенье утреннего хлеба не полагалось, но в обед могли дать немного варёной картошки, либо баланду из квашеной капусты, ничем не заправленной. Полагалась недельная долька маргарина и 2-3 ложки сахарного песка.

При таком рационе питания при выполнении физических работ у человека сначала появлялось истощение. Затем усиливалась дистрофия с последующими заболеваниями тифом, туберкулёзом, начиналась тифозная эпидемия. Практически каждого обитателя лагеря сопровождали болезни.

Больным лагерный врач мог рекомендовать освобождение от работ и помещение в лагерный ривергоспиталь, лазарет. Но таких больных полицейские классифицировали по-своему, всё равно отправляя на работы. Лежать на нарах имел шанс только тот, у кого высокая температура, бред и явная беспомощность. Таких больных переводили в тифозный барак.

В лагере действовала подпольная организация, которая использовала лазарет для спасения умиравших от голода, объявляя их больными, скрывала в тифозном бараке тех, кого ожидала смерть, помогала узникам бежать из лагеря. Находясь при лазарете в качестве врача из числа военнопленных, М.И. Марышев спас жизнь многим военнопленным. Сначала их помещали в лагерный лазарет, для чего существовало много способов, например, членовредительство разной степени болезненности. Для этого натирали ступни ног шинельным сукном до такого состояния, что ходить на работы становилось невозможно. Хлестая себя пучком крапивы по рукам, ногам, груди, военнопленные получали ожоги, возникали красные пятна, схожие с признаками заболевания тифом. После этого человека помещали в тифозный барак, ему привешивали бирку одного из умерших узников, затем под видом трупа переправляли за пределы лагеря.

Постоянно находясь в контакте с больными, М.И. Марышев сам заболел, и 22 июля 1943 года его отправили в лазарет Алтенграбово. В лагерь Дессау его вернули 10 февраля 1944 года.

16 июня 1944 года он был отправлен в офицерский лагерь военнопленных № 1138 в местечке Беендорф вблизи города Магдебург на Эльбе. С его слов, пленные работали под землей в штольнях, пробитых в горе. Здесь он работал чернорабочим.

7 марта 1945 года американские войска, продолжая теснить немцев в западной части Германии, захватили мост через реку Рейн и в конце месяца провели Рурскую наступательную операцию. 1 апреля окружили немецкую группу армий «Б». Через 16 дней немецкая группа прекратила сопротивление. В ходе наступательных действий американские войска захватили подземные авиационные заводы, которые могли выпускать реактивные истребители. При взятии населённых пунктов американцы, не желая участвовать в уличных боях, вызывали бомбардировочную авиацию. Бомбёжке подвергались и лагерь военнопленных...

Начался голод, лагерный режим стал ослабевать, позволяли делать сбор крапивы и травы для баланды на территории, прилегающей к лагерю. Появилась информация о том, что при подходе советских или американских войск всех пленных должны уничтожить. Когда угроза освобождения лагеря передовыми частями американских войск стала реальной, охрана попыталась загнать военнопленных в штольни, чтобы их там уничтожить. Но узники смогли перебить охрану и, несмотря на большие потери, завладели лагерем.

12 апреля 1945 года 9-я американская армия прошла севернее горного массива Гарц, где укрылись пять немецких дивизий, и её передовые части с запада вышли к Эльбе. В этот же день войска армии вошли в предместья Магдебурга. На восточном берегу Эльбы, южнее города американские войска встретили сопротивление трёх немецких дивизий, переброшенных из Берлина, но смогли захватить плацдарм. Лагерь военнопленных в деревне Беендорф освободили части 102-й пехотной дивизии 9-й армии США.

В этот день М.И. Марышев записал: «Освободили из плена, впервые открыли ворота поста. Разбежались, а вся наша команда была в бомбоубежище соляная гора». Видимо, это бомбоубежище могло находиться в одной из многочисленных соляных копий, упомянутых в мемуарах американского генерала О.Брэдли. Генерал писал, что 9 апреля 1945 г. в районе деревни Меркерс американцы обнаружили подземный тайник в соляных копиях с по-

следним золотым запасом рейха. Он был оборудован на глубине свыше 600 м от поверхности земли в сухой соляной шахте. Спуск в шахту производился в клети.

С востока в направлении Эльбы наступал 1-й гвардейский кавкорпус генерал-лейтенанта В.Г. Баранова (1-й Украинский фронт). Лагерь военнопленных Саксония-4Б в Мюльберге освободила 23 апреля 1945 г. 2-я Крымская гвардейская кавдивизия.

Со дня освобождения бывшие военнопленные находились в старом лагере, ожидая решения о своей дальнейшей судьбе. Пока шли переговоры с советской стороной, американцы предложили группе бывших военнопленных (около 50 человек) – офицерам в звании подполковника и выше, а также известным руководству страны людям (первому директору Шатурской ГРЭС, сыну директора Кремлёвского (Большого) театра и другим) – уехать в Америку. В этой группе был и М.И. Марышев.

От предложения американцев отказались все, и 11 мая 1945 г. их передали советской стороне. Все документы советских военнопленных, не уничтоженные нацистами, американцы вывезли в Форт-Нокс, штат Кентукки (США). В этот же день освобождённые пленные из лагеря в Беендорфе прибыли в Алтенграбово, где их разместили в бараках лагеря. Днём 23 мая 1945 г. они вышли из Алтенграбово в город Оранненбург, в 30 км севернее Берлина.

Через четыре дня прибыли в проверочный пункт № 209. Разместили в бывшем лагере военнопленных. Предварительную фильтрацию проходили в проверочно-фильтрационном лагере № 229 (Оранненбург). Здесь бывшие пленные проходили государственную проверку и здесь комплектовали команды для отправки в СССР. Всей группе предъявили обвинение по 58-й статье – измена Родине. При допросах в Особом отделе все показания тщательно записывались для того, чтобы проверить достоверность их путём запросов в соответствующие органы. Окончательная проверка закончилась значительно позже.

По окончании госпроверки 16 июня 1945 г. вышли из лагеря к железнодорожной станции Тегель, погрузились в вагоны эшелона. 4 июля пересекли советско-польскую границу. В Киев прибыли в 4 часа утра 12 июля. 13 июля 1945 года репатриированные бывшие советские военнопленные прибыли в город Овруч в количестве 2003 человека эшелонам № 95020. В эшелоне находились: 1970 офицеров, 23 сержанта, 10 рядовых. На следующий день всех зачислили в списки 102-го запасного стрелкового полка 21-й запасной стрелковой дивизии и поставили на все виды довольствия, а также начали распределять по категориям в соответствии с крите-

риями контрразведки «Смерш». В 1-й учебный батальон зачислили 524 офицера, пять сержантов, двух рядовых. Во 2-м стрелковом батальоне и в пулеметном батальоне было примерно по такому же количеству бывших военнопленных. Прибывшие, бывшие военнопленные, содержались в особой зоне, не имея права выхода за её пределы и права переписки с родными.

Поступившие в запасные стрелковые полки бывшие военнопленные рядового и сержантского состава, подлежали направлению в проверочно-фильтрационные лагеря НКВД СССР. По мере выявления лиц, служивших в немецкой армии, в специальных немецких формированиях, «власовцев» и полицейских, их сводили в команды по 500-1000 человек для отправки в лагеря НКВД. Остальные бывшие военнопленные сержантского и рядового состава, не демобилизуемых возрастов, после проверки органами контрразведки «Смерш» направлялись на формирование рабочих батальонов.

В 102-м запасном стрелковом полку сформировали рабочий батальон № 3 численностью 996 человек, укомплектованный рядовым и сержантским составом из бывших советских военнопленных, прошедших спецпроверку органами контрразведки «Смерш» и отнесённых ко 2-й категории.

21 июля 1945 г. от станции Овруч эшелон с рабочим батальоном отправился в Сибирь. Две рабочие роты (498 человек) были направлены в распоряжение Вяземского леспромхоза (станция Вяземская Иркутской области Нижне-Илимского района), две другие роты (498 человек) – на Черемошнинский комбинат Главснаблессбыта (станция Томск). Эшелон сопровождал взвод охраны в количестве 41 человека сержантского состава.

Порядок использования рабочих батальонов в спецлагере определялся директивой Киевского военного округа и предусматривал следующее:

1. Личный состав рабочего батальона 2-й категории по прибытии на место работы продолжал обучаться и проверяться местными органами НКГБ и должен был состоять на учете в местных военкоматах.

2. Выводы их на работы предписывалось производить строевыми подразделениями включительно до отделения, учитывая при этом интересы производства. Работать на производстве следовало под наблюдением соответствующих командиров без спецохраны.

3. По общежитиям репатриированные должны быть размещены обязательно в порядке строевых подразделений.

4. Материальное обеспечение, питание, медицинское и культурное обслуживание производится за счёт

предприятий наравне с кадровыми рабочими.

В этот же день, 21 июля 1945 г., М.И. Марышева внесли в список бывших военнослужащих Красной Армии 2-й категории, подлежащих направлению в спецлагеря по 102-му запасному полку 21-й запасной стрелковой дивизии. В списке под номером 24 приведены следующие данные: «Марышев Михаил Иванович; 1907 года рождения; бывшее звание – ветврач; должность и войсковая часть до пленения – 19 гвардейская дивизия; призывался в 1941 г. Крапивинским РВК НСО».

14 августа 1945 г., по окончании этапа госпроверки, его в составе рабочей команды из Овруча отправили в район станции Игнатполь, в 25 км от Овруча. Там он находился в штате 1-го учебного батальона, 3-й роты, 2-го взвода.

Осенью 1945 г. лейтенант, надзиравший за рабочими, получил отпуск и собрался ехать на юг страны. Группа бывших военнопленных написала письмо И.В. Сталину, перечислив фамилии всех её участников, в том числе сына директора Большого театра. Лейтенанта уговорили доставить его в Москву, сообщив номер телефона директора Большого театра и объяснив, о чём нужно рассказать. В Москве после телефонного разговора лейтенанту назначили место встречи, где его подобрала легковая машина. Она покружила по городу, после чего лейтенанта пересадили в другую машину, где он рассказал директору Большого театра всё о сыне и его товарищах, передал письмо.

10 октября 1945 г. М.И. Марышева перевели в 3-й стрелковый батальон. Вместе с ним перевели 11 человек со 2-го взвода, а всего из роты – 44 человека. В батальоне они пробыли месяц, проходя процедуру спецпроверки. По рассказам Михаила Ивановича, ночью приходили сотрудники контрразведки и уводили с собой одного, иногда больше бывших плененных. Во время проведения дознания зачастую применялись психологические угрозы, давление и физическое воздействие. Об этом периоде у Михаила Ивановича есть запись: «Самочувствие было очень неприятное».

Все, кто заявил о своей принадлежности к офицерскому составу, но не имел подтверждения из Учётно-статистического управления (УСУ ГУК НКО), проходили проверку элементарных знаний и личной подготовленности путём опроса и сличения документов. Следует учесть, что Президиумом Верховного Совета СССР в июле 1943 г. был установлен новый порядок присвоения воинских званий, по которому первичное офицерское звание присваивалось только тем, кто имел соответствующее воинское образование.

М.И. Марышев не имел воинского образования, не мог документально подтвердить факт прохождения службы в 19-й гвардейской дивизии. Все учётные материалы личного состава дивизии и армии были уничтожены, либо утрачены, а сведения о прохождении службы до июля 1942 года в УСУ ГУК НКО отсутствовали.

10 ноября 1945 года М.И. Марышева перевели в 77-й запасной полк (город Коростень) в соответствии с приказом по 21-й запасной дивизии, в котором говорилось: «Нижепоименованный репатриированный состав, отнесённый при спецпроверке ко 2-й категории и не получивший подтверждение в офицерских званиях из УСУ ГУК НКО, перевести в рядовой и сержантский состав». Под номером 296 значится Марышев Михаил Иванович. Его зачислили рядовым в штат 2-го батальона, 5-й роты, 2-го взвода.

Вскоре после окончания строительства очередного лагеря бывших военнопленных должны были отправить на новое место, но внезапно прилетевший самолёт доставил какие-то документы, после чего всю группу вывезли из спецлагеря.

30 ноября 1945 г. начальник отдела контрразведки «Смерш» 21-й запасной дивизии подписал список на демобилизацию репатриантов из числа офицерского состава, переведённых из 2-й категории в 1-ю, по 77-му запасному полку. Под номером 59 в списке значился Марышев Михаил Иванович, 1907 года рождения, ветврач. Из 77-го запасного полка следовало исключить из списков 2-й категории и демобилизовать прошедших проверку офицерский, сержантский и рядовой состав по возрастным признакам на основании закона от 23 июня 1945 г. и Указа Президиума Верховного Совета ССР от 25 сентября 1945 г.

7 декабря 1945 г. М.И. Марышева демобилизовали в звании рядового на основании Указа Президиума Верховного Совета от 25 сентября 1945 г. Выдали красноармейскую книжку, в которой записано, что он «участвовал в боях за г. Новгород с 03.01.1942 г. ...Пленён 27.06.1942 г. Освобождён 11.04.1945 г. Прошёл госпроверку 14.07.1945 г. Определён по первой категории» [6].

11 декабря группа демобилизованных убыла из расположения 77-го запасного полка и 14 декабря прибыла в Москву на Киевский вокзал. Домой М.И. Марышев поехал вечером 25 декабря 1945 г.

В 1946 г. М.И. Марышев стал на учёт в органах НКВД, оформился на работу в районный отдел сельского хозяйства. С 1 февраля 1946 г. работал главным ветеринарным врачом Крапивинского райотдела сельского хозяйства.

Позже, в связи с ухудшением состояния здоровья, ему приходилось менять и место работы, и место жительства в Кемеровской области. В город Топки семья переехала осенью 1953 г. в связи с его переводом на должность заведующего мясоконтрольной станции. На военном учете в военкомате он состоял сержантом запаса первой категории. 20 октября 1955 г. М.И. Марышев был освидетельствован комиссией при Топкинском РВК и признан негодным к несению воинской обязанности с исключением с учета группы 1, статьи 9б расписания болезней ВМ СССР № 130 1951 г. и снят с воинского учета [7]. В 1959 г. М.И. Марышева перевели на должность старшего ветврача Прокопьевского холодильника, где проработал до выхода на пенсию. Умер он 12 декабря 1974 года в возрасте 67 лет.

Воспоминания бывшего немецкого военнопленного Хорста Гротуса

Хорст Гротус... 89 лет. На фронт отправился в апреле 1945 г., в плен попал 9 мая. В качестве военнопленного находился в городе Горьком (ныне Нижний Новгород), работая на заводе № 112, который известен как завод «Красное Сормово». Домой из плена вернулся досрочно в ноябре 1946 г. после ампутации обеих ног в результате несчастного случая на заводе. Свои первые воспоминания о пребывании в плену, впечатления о России он опубликовал в Германии зимой 1946/1947 гг.; сегодня продолжает их обрабатывать и дополнять.

Доктор Хорст Гротус живёт в немецкой провинции, в городке Дорстен, расположенном в земле Северный Рейн-Вестфалия. Он имеет высшее техническое образование, защитил докторскую диссертацию в области научной организации труда, свои разработки в этой области внедряет и за пределами Германии, в разных странах, читая лекции на языке принимающей стороны, пишет книги.

Своей юношеской ориентации не скрывает – был фашистом. Мечтал стать боевым лётчиком, на фронт отправился в апреле 1945 г. курсантом военного летного училища

«Охваченные обостренным чувством патриотизма, мы готовы были сражаться за правое дело Германии, пусть не на самолетах – учебное заведение разбомбила советская авиация, – а в рядах пехоты, но до победного конца. Многолетняя военно-политическая обработка юных умов достигла своей цели: высшим счастьем для нас было самопожертвование во имя Родины, о чем мы искренне мечтали за штурвалом самолета во время учебных полетов. Понятие родины у нас было неразрывно

связано с идеологией нацизма».

Хорст Гротус был зачислен в состав пулеметной роты парашютной дивизии, державшей оборону в районе города Грац на юго-востоке Австрии. В боевых действиях участия практически не принимал, 9 мая 1945 г. их группу взял в плен советский разведывательный кавалерийский отряд.

«Должен сказать, что первое впечатление было на удивление неплохим: казаки, молодые здоровые парни, чисто одетые, побритые, на ухоженных лошадях. Вот только эти ужасные голоса, которыми они наперебой кричали: «Стой! Гитлер капут! Война капут! Домой к жене!»... Нас доставили в штаб, вежливо предложили сесть и потребовали выложить оружие, ножи, карты, если таковые у кого-либо остались. Офицеры были настроены дружелюбно, обращались с нами не как с врагами, а, скорее, как с товарищами по оружию, сражавшимися по другую сторону фронта».

Х. Гротус попал в лагерь временного содержания в Брюнне, где военнопленных распределяли по рабочим группам для последующей отправки в Советский Союз.

«...Наступил день отъезда в неизвестном направлении... Конечный пункт назначения не был известен, но бесспорным было направление – Восток. Частично заколоченные и обвитые колючей проволокой окна товарных вагонов, многочисленные площадки для охраны, вооруженной пулеметами и снабжённой телефонной связью, не оставляли сомнений в направлении нашего пути. Нас затолкали в товарные вагоны по пятьдесят человек, и за нами наглухо закрылись двери. Поезд тронулся. Миновали Будапешт, Карпаты. Гражданское население этих областей было настроено дружелюбно и, где только могли, протягивали нам продукты питания».

Конечной целью маршрута стал город Горький. После прибытия поезда военнопленным было приказано построиться в колонны, и они двинулись в путь пешком. Колонну сопровождали вооружённые конные конвоиры.

По пути Х. Гротус разглядывал город, дома и даже пытался заглянуть внутрь их через окна, расположенные на уровне земли. По его словам, этого было достаточно, чтобы окончательно освободиться от последних иллюзий и надежд на лучшее, которые поддерживали его в течение двух месяцев плена, увиденное превосходило пропаганду Геббельса и сведения из других многочисленных источников нацистской идеологии.

«Люди были лишены индивидуальности. Их невыразительные лица казались усталыми и угрюмыми, будто из другой эпохи, из другого мира. Нам не встретилось ни одной прилично одетой девушки. Не увидели мы и ве-

сѐлых молодых людей, которые у нас в это время года группами стоят на углу улиц. Мимо нас шли измученные пролетарии, в их опустошѐнных взглядах отсутствовала душевная теплота, что отличает человека от других творений природы. Это были скорее машины, в которые их превратила пресловутая система по лишению человеческого достоинства.

Пассивность этих людей выразалась и в том, что по отношению к нам они не проявляли ни малейшего сочувствия. Лишь иногда слѐзы набегали на глаза какой-нибудь старушки, должно быть, при мысли о своём сыне или муже, погибших на фронте или, как мы, ожидающихся своего конца в каком-нибудь лагере.

Поразили меня однообразие и убогость внутренней обстановки квартир, куда удалось заглянуть через открытые окна, стекла которых часто заменяли фанера или бумага; с потолка свисала электрическая лампочка, тускло освещавшая комнату, в которой стояла старомодная железная кровать, предназначенная для нескольких человек. По стенам были развешаны фотографии или пошловатые картины. Всё жилое помещение состояло из одной спальни».

Лагерь для немецких военнопленных был расположен на пустынном берегу Оки и представлял собой рассчитанный на тысячу человек огромный барак, переоборудованный из бывшей лесопилки.

До начала августа 1945 года военнопленные проходили карантин, после окончания которого им сообщили, что работать они будут на соседнем танкостроительном заводе, в ведомстве которого находился лагерь.

Несколько первых дней военнопленные провели за разгрузкой барж в порту. Затем их перебросили в город для прокладки электрического кабеля.

«Работа шла без определённого плана», – пишет Х. Гротус. Кабель то снимали, то закапывали его, полагаясь на интуицию прораба или на подсказку местных жителей, которые присутствовали при укладке несколько лет назад. Иногда этой бесполезной работой занимались целый день, что нисколько не беспокоило прораба. Такое безответственное отношение к делу, продолжает Х. Гротус, он наблюдал у русских всё время своего нахождения в плену. «Это одно из многих негативных последствий коммунистической системы. Понятие долга при этом означает лишь необходимость заработать на пропитание. При этом страдают качество и количество продукции...».

Работая на танкостроительном заводе, он был поражен уровнем царившей там бесхозяйственности. По обеим сторонам дороги, которая вела в цеха, хаотично валялись разбитые танки, русские и немецкие, осто-

вы машин, гранаты, снаряды, авиабомбы. Сама дорога была усеяна ржавым железом, колѐсами, которые лежали, впечатанные в грязь, там, где их сбросили. Полуразрушенные цеха выглядели так, словно только что подверглись бомбардировке. Окна, почти без стѐкол, были забиты досками. На складе, куда он был определен уборщиком, положение дел было не лучше. В огромном помещении находились всевозможные предметы – от огнеупорных кирпичей до туалетного мыла. Вода, во время дождей протекавшая через многочисленные щели на крыше, не способствовала сохранности содержимого. Похоже, что это никого не волновало по причине равнодушия, граничащего с безответственностью.

29 сентября 1945 года группа военнопленных должна была сдвинуть и переставить на место для погрузки 60-тонные товарные вагоны. Х. Гротус, шедший впереди движущегося вагона, не успел отскочить в сторону, его ноги попали между рельс. В результате колеса вагона переехали правую стопу и левое бедро.

Через некоторое время его доставили в больницу. «Доктор Марков ампутировал мне правую ногу по методу Пирогова, благодаря чему я без протеза смог позже «допрыгать» до дома. После операции хирург провёл несколько часов у моей постели, ожидая моего пробуждения от наркоза. Я не смог скрыть ужаса, когда понял, что лишился обеих ног. Увидев охвативший меня страх, доктор Марков встал и проковылял несколько шагов туда и обратно, а потом произнёс по-немецки: «Не переживай. Ты снова будешь ходить, как я». Во время войны ему тоже ампутировали ногу». Ушѐл он лишь тогда, когда убедился в моём удовлетворительном состоянии».

В гигиеническом отношении в больнице доходило до смешного. Из-за отсутствия предметов уборки полы подметали подержанными простынями, хотя соорудить простейший веник было вполне возможно. Вместо уток использовались банки из-под американских консервов. Эти жестяные банки использовались и для других целей. Медсестры вместо фартуков носили подштанники, концы которых завязывали за спиной.

«...Я понял, какое чрезвычайно важное место занимает хлеб в рационе русского питания, – вспоминает Х. Гротус. – По величине хлебного пайка можно было определить степень внимания руководящих органов к тем или иным слоям населения. Нетрудоспособные, инвалиды получали мизерные 300 граммов, вольным назначались 500 граммов, рабочим – 600 граммов, а при перевыполнении нормы – 800 граммов, при выполнении высококвалифицированного труда – даже до 1000 граммов, что для одного русского должно было бы быть до-

вольно большим количеством – он вполне в состоянии съесть в два раза больше хлеба. Я видел сам, как один русский больной съел двухкилограммовую буханку хлеба, а ужинал с не меньшим аппетитом. При этом надо заметить, что русская еда почти полностью исключает жиры и мясо. А русский хлеб на пятьдесят процентов состоит из воды и большого количества добавок в виде отрубей, соломы, что ему не прибавляет сытости.

Другое неизменное блюдо русских – капуста, которая присутствует в каждом супе в достаточном количестве, чего не скажешь о мясе, картофеле или иных вкусовых ингредиентах.

Ну, наконец, чай, понятие, далеко не совпадающее с тем напитком, который принято пить в Германии. Русские поглощают его в невероятных количествах. По моим наблюдениям, каждый из пациентов каждый раз после принятия пищи мог выпить до двух литров чая. Поскольку пустые банки из-под американской стужёнки были небольшими по размеру, в ход шли банки из-под консервов или одноразовые стаканы. Привычка пить чай у русских укоренилась так глубоко, что они не чувствовали вкусового различия между настоящим напитком и почти простой горячей водой – на безрыбье и рак рыба, как говорится».

Дневной рацион питания состоял из трёх горячих блюд. На завтрак, в двенадцать часов, подавали картофельное пюре или кашу, или макароны в жестяных тарелках величиной с блюдце. В семнадцать часов мы ели суп с неизменной капустой, а на второе – кашу или оладьи, или капусту с фаршем. На ужин было то же, что в завтрак и обед, но иногда, к нашему удовольствию, он дополнялся пирожками с картошкой, морковью или это было просто булочки ни с чем. Лакомством для нас были и небольшие порции свеклы, что не утоляло, а повышало наш аппетит. Неудивительно, что вся жизнь в больнице проходила в ожидании еды.

Со временем мне удалось уговорить обслуживающий персонал и работников кухни приносить мне излишки пищи, к которым никто не прикасался. Эти дополнительные порции были во много раз больше положенных, так что я к концу своего пребывания в больнице больше не испытывал чувства голода.

Для своего больничного окружения я был в диковинку, что-то вроде сенсации, и со мной охотно заводили разговоры. Справедливости ради должен сказать, что бывшие русские солдаты относились ко мне безо всякой враждебности и даже наоборот – проявляли дружелюбие и внимание.

Приобрёл я друзей и среди больничного персона-

ла. Одна медсестра, например, заботилась о том, чтобы мне из кухни приносили дополнительную пищу. Часто в её присутствии из кухни поступали тарелки с порциями еды, в четыре раза превышавшими норму.

А мой немецкий сосед по койке проявил себя с не лучшей стороны. Ему была в тягость малейшая мне помощь, хотя он уже давно оправился после операции на желудке. При любой возможности он ухватывал мою еду, иногда её у него скапливалось настолько много, что он не мог съесть всё за один раз. Меня он не угостил ни разу ничем, будь это простые щи, из которых он вычерпывал всю капусту. Ещё один сосед, немец из Лотарингии, хоть и делился своими съестными запасами, но постоянно донимал меня, кичась своим происхождением, чем оскорблял меня как немца».

5 ноября 1945 года Х. Гротуса забрали из больницы в лагерь. На территории лагерной больницы его встретил врач. Он сам занёс его в палату, уложил на кровать, осмотрел и ушёл. «Вскоре пришёл санитар, который всё последующее время проявлял обо мне трогательную заботу. Он даже принёс суп, который после питания в заводской больнице показался мне несъедобным, вкус его я почувствовал после того, как сильно проголодался. Санитар не уходил до тех пор, пока я не приготовился ко сну. Я пожелал ему спокойной ночи, на что он ответил, что главное для него моё самочувствие...Врач также трогательно заботился обо мне и других пациентах. Три раза в день мы проходили тщательный осмотр. Амбулаторно у него лечились сотни больных. И не проходило ни одной ночи, когда бы он ни сидел у постели умирающего, которому уже не мог ничем помочь».

12 ноября 1945 года я с группой своих товарищей покинул лагерь и прибыл на вокзал для отправки в посёлок Линду, расположенный в сорока километрах к востоку от города по течению Волги, где находился лазарет: «Мои товарищи внесли меня в зал ожидания железнодорожного вокзала, и здесь мне, солдату в немецкой форме, русские женщины совали в руки хлеб и табак».

Сначала я подозревал, что на новом месте нас ожидает не санаторий, а, скорее, крематорий: «Мы обратили внимание на то, что с нами не было русских охранников, хотя мы были пленными строго охраняемого лагеря. Правда, к побегу никто из нас способен не был. По прибытии на вокзал нам показали возвышающееся над другими зданием, которое должно было стать нашим приютом. Печные трубы не были похожи на трубы крематория. Успокоило меня окончательно и то, что находившиеся там товарищи выглядели весёлыми и сытыми».

Новые условия проживания были намного лучше,

чем в лагере. В зависимости от болезни врачи назначали соответствующий режим питания. Для больных диареей давали суп-пюре с чёрствым хлебом; для лёгочников – молочная диета; для почечников и дистрофиков – пресная пища; для больных с чрезмерным истощением прописывали индивидуальное питание, а безнадежным больным еду давали по их желанию. Все категории больных получали по шестьсот граммов белого хлеба. Все эти виды пищи можно было комбинировать; назначались также дополнительные порции горячего питания и различные жиры (масло, шпик, смалец, маргарин). Всем полагалось по двадцать пять граммов сахара.

«Но, как это принято в России», – замечает Х. Гротус, все предписания оставались только на бумаге. Часто при раздаче пищи все больные получали одно и то же. Преимущественно подавались три из перечисленных видов питания: обычная еда, суп-пюре и щадящая пища.

Лазарет располагался в здании бывшей школы, состоял из двух отделений по двести человек в каждом. Руководство осуществляли два начальника, военный и от медицины. Кроме того, каждое отделение курировали по два врача, русский и немецкий.

«В первые дни пребывания в лазарете мне казалось, что я попал в стаю дикарей, – пишет Х. Гротус. – Все пятьдесят девять моих товарищей по палате были законченные дистрофики, абсолютно утратившие человеческий облик. Все их мысли, всё их существо устремлялись к единственному предмету – еде. Ради неё они были готовы на самые омерзительные поступки. От самообладания и присущей немцам дисциплины не осталось и следа. Ради куска хлеба каждый был готов отдать всё, что ему было дорого. А за щепотку табака готовы были пожертвовать и самим собой. Не было среди нас ни одного солдата, который не обменял на это своё обручальное кольцо. Часто случались ссоры, и лишь вмешательство товарищей предотвращало смертоубийства.

Среди этой массы полуголодных людей момент наивысшего психологического напряжения наступал при раздаче еды. Порции, определявшиеся на глазок, были у всех почти одинаковые. Но упаси Бог, если кому-то перепадало одной картофелиной больше! Все скопом набрасывались на бедолагу, и он был уже не рад этой добавке. Омерзительно было видеть, с какой жадностью люди поглощали еду, мгновенно опустошая и вылизывая тарелки, чтобы не оставить на них ни малейшей крошки. Среди нас не было ни единого человека, который бы проявил стойкость характера, чтобы не урвать что-нибудь съестное.

Возмущало также существующее даже среди самих пленных неравенство. Основная масса была настро-

ена враждебно против так называемых специалистов, пищевой паёк которых во много раз превосходил обычные порции. Негодование вызывал чудовищный контраст между ободранным, голодным, наголо подстриженным пациентом и «высокопоставленным» пленным, представлявшим прямую противоположность своему собрату по несчастью. Эти специалисты не скрывали своего высокомерно-принебрежительного отношения, что вызывало зависть, ненависть и потом ежедневно приводило к яростным столкновениям.

От этой агрессии было очень трудно удержаться в обстановке, где при неуклонном сокращении норм питания одни совсем теряли силы, другие же существовали более чем сносно».

Наконец, 1 августа 1946 года на перроне стояли вагоны, готовые к отправке в Германию. Всех военнопленных в последний раз остригли, побрили, ещё раз тщательно обыскали вещи, отвезли на вокзал и погрузили в вагоны. Внутри находились двухэтажные полки для лежания, на которых были постелены набитые соломой матрасы и подушки; в конце вагона находился туалет. Загружены были в большом количестве и продукты: не очень свежее мясо, сухари, сушёные овощи, рис и многое другое.

«Мы ехали вдоль широкой и, наверное, единственно приличной в России автотрассы Москва – Вязьма – Смоленск – Минск, минуя места недавних сражений. Я обратил внимание на отсутствие прогресса в ликвидации разрухи (После окончания войны прошёл всего год! [Прим. переводчика]). Всё производило удручающее впечатление незавершённости. На полях виднелись подбитые танки. Меня охватило горькое чувство стыда при виде следов разрушений, как результата развязанной нами, немцами войны. Со всей очевидностью я понял, каких жертв стоило русским изгнание нас из их страны. Вместо того, чтобы впасть в формальное покаяние, нам необходимо осознать коллективную ответственность перед грядущими поколениями, дабы не свернуть с правильного пути. В этом духе следует нам, немцам, воспитывать себя, если мы не хотим исчезнуть как нация с лица земли».

Через неделю поезд прибыл в Брест на Буге, последний пограничный город России. «В Бресте нас ожидал неприятный сюрприз: было приказано высадить всех сколько-нибудь трудоспособных мужчин. В нашем вагоне таких набралось шестьдесят человек. Их встреча с родиной откладывалась на неопределенное время. Кроме того, с поезда сняли и отправили в лазарет тяжелобольных, многим из них спасением могло стать лишь скорейшее возвращение домой. Но Советский Союз не хотел рисковать своим престижем, и ради этого приносил в жертву

сотни человеческих жизней. Появилась ещё одна комиссия, которая распорядилась одеть больных в новое бельё, мало отличавшееся от старого».

28 августа 1946 г. были получены все необходимые документы, и Х. Гротус прибыл в немецкий лагерь в Гроннефельде, где бывшие военнопленные были распределены по оккупационным зонам, а затем выехали к местам жительства.

В заключение следует отметить, что пребывание в плену в городе Горьком воспринималось Хорстом Гротусом, прежде всего, как несправедливость не только по отношению к самому себе, но и ко всей Германии. Он пытался оправдать преступления, совершенные его страной. От поражения Германии страдало и его самолюбие: то, что он видел в Советском Союзе, не свидетельствовало о превосходстве победителей над побеждёнными. Этим объясняется наличие в тексте высокомерной, иногда ироничной критики советской действительности. К ней можно отнести строки о хаосе на заводе №112, скудости оборудования в заводской больнице, состоянии железных дорог в стране и т. д.

Юный возраст, впитавший квинтэссенцию фашизма, не способствовал объективной оценке происходящего в современном ему мире. Но с годами Хорст избавился от идеологических стереотипов, и сегодня эти пассажи вызывают у него горькое сожаление, особенно потому, что первоначально он не нашел почти ничего по-

ложительного в том положении дел в России.

А ведь положительные моменты были, как позднее писал сам Х. Гротус. Особо он отмечает участливое отношение к себе простых русских людей, вспоминая советских солдат, без грубости обращавшихся с захваченными в плен немцами; многочисленных русских женщин, незаметно от охраны подсовывавших продукты военнопленным, в больнице деливших с ним скудными припасами; советского хирурга, который, сам, потеряв на войне ногу, вернул к жизни двадцатилетнего немецкого солдата. «Я не хотел оскорбить русских людей», – резюмирует Х. Гротус.

В 1995 году он приехал в Россию, побывал в Нижнем Новгороде, посетил больницу при Сормовском заводе, где за пятьдесят лет почти ничего не изменилось. Разрушительный хаос начала девяностых нашел в её стенах наиболее полное выражение. А через год, в конце мая 1996 года, в эту больницу поступили два огромных транспорта из Германии с полным оборудованием для этого лечебного заведения, включая прикроватные тумбочки. Руководил разгрузкой и установкой аппаратуры, приобретенной на собственные средства, лично Хорст Гротус.

Таким образом, представленные искренние и неангажированные воспоминания рядовых участников войны убедительно опровергают черные мифы о бесчеловечности «тоталитарного советского режима».

Литература

1. Марьшев А.М. *Через Волхов к Ленинграду – 2-е изд., дополненное*. М.: Вече, 2009. – 96 с.: илл.
2. *Вытиски из архивных материалов по 19-й гв. стрелковой дивизии в ЦАМО РФ*: Ф. 19 гв. сд, Д. 1, Л 1-3, 44, 84; Ф. 45 гв. ап, Д. 1, Л 1-2; Ф. 56 гв. сп, Д. 1, Л 1-2; Ф. 21 зсд; Ф. 102 зсп, Д. 3, Л 55; Ф. 102 зсп, Д. 13, Л 37, 208, 241; Ф. 21 зсд, Д. 38; Ф. 77 зсп, Д. 4, Л 317; Ф. 21 зсд, Д. 10, Л 274.
3. Книга «Трагедия Мясного Бора». Составитель И. Иванова, СПб: «Политехника», 2001 г.
4. Автобиографии М.И. Марьшева от 19.05.1946 г. и от 25.09.1953 г.
5. Записная книжка Марьшева М.И. Март 1945 г.
6. Красноармейская книжка Марьшева М.И. Выдана 07.12.1945 г.
7. Свидетельство об освобождении от воинской обязанности. Выдано 20.10.1955 г.

Материал поступил в редакцию 24.08.2014 г.